

Секция «История советской и постсоветской России»

"Русский север" глазами британских интервентов в 18-20-е годы XX века

Комкова Мария Станиславовна

Аспирант

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск,
Россия

E-mail: KomkovaMaria@yandex.ru

Понятие Русского Севера, как и территория, не имеет четких границ. Термин «Русский Север» является скорее историко-культурным понятием, чем географическим или административным. Чаще всего сегодня под ней понимают территорию в границах республики Карелия и территориями Архангельской области — Обонежья, побережьем Белого моря, на западе — Белозерьем, бассейном Шексны, нижнего течения Мологи, на востоке — бассейнами рек Северная Двина, Пинега, Мезень и Вычегда и южной границей бывшей Вологодской губернии [11].

Английские интервенты атаковали часть территорий с марта 1918 Архангельск (с октября 1918 Мурманск, с конца 1918 Балтийское море, с июля до ноября 1919 — Ревель, Нарва; и другие английские части высадившиеся на территории нашей страны).

Позиция английского правительства и граждан Великобритании не были едины в отношении военного вмешательства в дела России. Даже в рамках правительства взгляды на «британскую политику в русском вопросе» расходились: военный министр Уинстоном Черчиллем стоял за оказание помощи Белым государственным образованиям в борьбе с большевиками и премьером Ллойд Джорджем открыто высказывался за раздробление России.

Это двойное отношение Англии к Белому движению, не имевший информации, которой сегодня обладает историография о тех событиях, генерал Деникин с сожалением описывал как «две руки: одна из которых дает, а вторая — забирает». В частности, при обсуждении военного бюджета в палате общин Черчилль дал понять, что «не мы сражались в интересах Колчака и Деникина, но что Колчак и Деникин сражались в наших интересах[6]». Информацию о том, что антибольшевистские армии были более важны для союзников, нежели сами союзники для Белого движения, белая разведка получила из открытой печати в конце 1919 года[4]. Двойственность британской политики, расхождения во взглядах между Черчиллем и Ллойд Джорджем, с одной стороны — русофильство, с другой — русофобство, отсутствие ясно продуманной программы действий — все это приводило поддерживаемых ими русских в полное уныние.

Западные правительства смогли подавить революционные выступления в собственных странах, однако они не могли помешать косвенной поддержке большевизма, которая выражалась в массовых выступлениях иностранных трудящихся под лозунгом «Руки прочь от Советской России». Международная поддержка большевиков стала существенным фактором, подорвавшим единство действий стран Антанты и ослабившим силу военного натиска на советскую Россию[7]. Немаловажным фактором был и экономический: вывести страны Европы из последовавшего за Первой мировой войной экономического кризиса и социальной напряженности можно было лишь при условии восстановления традиционных экономических связей с Россией, иначе Европе угрожала финансовая и сырьевая зависимость от США. В такой ситуации в январе 1920 года по инициативе Великобритании и Италии Верховный совет Антанты принял решение о снятии блокады и возобновлении торговли с «населением России»[8].

Единства не достигли и историки во мнении об истинных причинах, целях, задачах английской интервенции.

По официальной версии английская интервенция началась с запроса в Совнарком о том, в какой форме возможно принятие военной помощи от союзников, предложенной британским контр-адмиралом Кемпом, который предлагал высадить в Мурманске британские войска для защиты города и железной дороги от возможных атак немцев и белофиннов из Финляндии.

В ответ на это нарком иностранных дел Л.Д.Троцкий, ответил: «Вы обязаны незамедлительно принять всякое содействие союзных миссий и противопоставить все препятствия против хищников»[13]. Опираясь на это, председатель Мурманского совета Юрьев заключил 2 марта 1918 г. «словесное соглашение»[5]. От части Троцкий руководствовался тем, что какое-о время жил в Лондоне, был знаком с многими идеями англичан.

Однако по мнению же самих участников интервенции: «Большевики предали Антанту, заключили мир с немцами. Мы обязаны были помочь нашим верным союзникам, у которых красные силой отобрали власть, спасти Россию от анархии и террора. . .»[10]. Если мы посмотрим на плакаты белого движения и английские русскоязычные плакаты, то это помощь чаще всего выражалась лишь в предоставлении вооружения.

Н. А. Нарочницкая называет не соответствующими действительности утверждения о том, что целью иностранной интервенции было сокрушение большевизма и помощь Белому движению, отмечает хищническое отношение Англии ко своей бывшей союзнице России, а также факт оказания Антантой помощи ленинскому правительству и предательства Антантой в итоге именно белых[9]: По ее мнению, главные побуждения были всегда геополитическими и военно-стратегическими, что и объясняет попеременное сотрудничество или партнёрство то с Красной армией против белой, то наоборот, закончившееся в целом предательством Антантой именно белой армии. Политика Антанты явилась образцом неблагодарства по отношению к своей союзнице России и отразила отношение к ней как к добыче для расхищения. В этом отношении взгляды схожи с Н. С. Кирмель, резюмирующим в своей научной работе[9]: «Курс союзников, прежде всего Англии, свёлся к отсечению от России молодых государственных образований в Прибалтике и Закавказье под флагом образования так называемого «санитарного кордона» вокруг РСФСР. Как только эта задача была выполнена, тут же финансовая и материальная поддержка белых армий совершенно прекратилась. Следуя в русле своей прагматической политики, союзники пошли на соглашение с правительством Ленина[7].

Среди английских интервентов мнения так же были различны. Для анализа были выбраны воспоминания указанного периода двух англичан, очевидцев событий: Дугласа Янга[10], тогдашнего британского консула в Архангельске и полковник Филипп Дж. Вудс воевавшего в Карелии и получившего прозвище «король Карелии»[3].

Именно наблюдая за карелами (как основной массой населения) англичане делали свои выводы, формировали восприятия и передавали это на родину, где это принималось безоговорочно и служило одним из источников формирования образа России в Великобритании. Пути был достаточно прост- через средства массовой информации- газеты, которые на тот момент выступали главным рупором и информатором британцев. (правда скептически можно относиться к правдивости большинства материалов).

Daily Chronicle, Manchester Guardian, The morning post указанного периода больший интерес к интервенции англичан на юге и в Сибири.

Английским читателям практически не поступала информация о том, что происходило

в Карелии, Архангельске и Мурманске. Мы находим больше всего информации об Азии, Сибири и юге России.

Лондонские газеты всячески преуменьшали роль Северного фронта.

К боевым действиям на Севере в штабах Антанты относились скептически. В печати подавались они как бои местного значения.

В офицерской среде британцев, как отметил в своем дневнике консул Янг, ходили разговоры о прекращении боевых действий, «от которых уже ничего не зависит. Судьба войны уже предreshена, и не нужно испытывать на себе еще одну арктическую зиму».

Мы можем встретить следующие заголовки на страницах английских газет: «Беженцы из Мурманска»[2], «Большевистское предложение Финляндии»[2], «Красные захватили Печенгу»[1], «Когда лед ломается»[2] и другие.

Помимо этого, в английской прессе используется визуализация: Карта Архангельск Петроград и статья Архангельск и Мурманск[2], Карта Арктическое море Архангельск Петроград[2], в статье «Новая война в России» используется фотография[1].

При этом интервенты проиграли по всем статьям. И в военном плане, и в политическом, и нравственно, поскольку, как и всякий оккупант, оставили о себе дурную память. И было из-за чего. Не буду приводить хорошо известные факты преступлений интервентов на русской земле. Гораздо реже звучат их собственные оценки. Поэтому и привожу фрагмент из воспоминаний британского консула в Архангельске **Дугласа Янга**: «Мне довелось видеть, как английский генерал обращался с русскими людьми в их собственной стране с деспотизмом, присущим разве что царю, и вел себя так же позорно, как те русские старорежимные генералы, которых англичане, проживающие в России, высокомерно критиковали. Из этого можно сделать лишь тот вывод, что война против прусского милитаризма породила уайтхоллский милитаризм, мало отличающийся от своей потсдамской разновидности, и британскую бюрократию, возможно, менее продажную, но столь же бездарную, как петербургское чиновничество».

Позже Янг в докладной напишет:

«Британские генералы и адмиралы до сих пор явно терпели неудачу в России, но не потому, что они плохо знают свое дело, а потому, что они совершенно не разбираются в психологии другого народа» [10].

Воевать в северных широтах оказалось не так-то просто: короткое холодное лето и до бесконечности продолжительная зима отрицательно сказались на моральном духе войск Антанты. Также большое влияние оказало движение «Руки прочь от России», которое было достаточно развито в Англии.

Источники и литература

- 1) The Daily Herald.
- 2) The Times.
- 3) Барон Н. «КОРОЛЬ КАРЕЛИИ» Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. // СПб., 2013
- 4) ГАРФ. Ф. р-5936.
- 5) Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957.
- 6) Карпенко С. В. Гражданская война в России 1917–1922 гг. // История России (Гражданская война в России, 1917–1922): Учебно-методический модуль. М., 2004.

- 7) Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. М., 2008.
- 8) Ленин В.И. Документы 1918 г. (март-апрель) // <http://leninism.su/works/99-v-i-lenin-neizvestnye-dokumenty-1891-1922/3636-dokumenty-1918-g-mart-aprel.html>.
- 9) Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2004.
- 10) Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в советскую Россию... М., 1982.
- 11) Челищев П. И. Путешествие по северу России в 1791 году. СПб., 1886.